

Баурджану

Момыш-улы—70 лет

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Известному казахскому советскому писателю, лауреату Государственной премии Казахской ССР Баурджану Момыш-улы исполнилось 70 лет.

Командир батальона и командир полка 8-й гвардейской дивизии генерала И. В. Панфилова, командир 9-й гвардейской дивизии гвардии-полковник в отставке Баурджан Момыш-улы известен широкому кругу читателей по книгам «За нами Москва», «Наша семья», «Генерал Панфилов», «История одной ночи» и другие.

Мы любили эти вечера, наполненные мягким светом и теплыми головами, добрым смехом и прозрачной грустью. Мы любили эти вечера...

Отец лежал на своей широкой кровати и непрерывно курил сигареты, вставляя их в длинный мундштук. Он рассыпал пепел всюду вокруг себя и на себя, но от этого в доме становилось еще уютней.

Мы убрали в сторону бумаги с журнального столика и пили чай с большими золотистыми баурсаками. А потом он снова курил, и когда сигареты кончились, то брал в руки и вырезал из пустой пачки удивительные узоры казахского орнамента, тонкие и красивые кружева. Для этих его узоров мы завели отдельный альбом.

— Папа, давай будем брать работу на дом, — шутил я. — Любая артель пойдет нам навстречу. Самая искусная мастерица позавидует твоему умению. Вот увидишь, от заказов отбоя не будет.

— А писать за меня будешь ты, — говорил он в ответ. — Может, я тебе и доверил бы свои бумаги, да только голоса у нас разные. У меня устоявшийся бас, а у тебя — домоящийся баритон.

— Отличный дуэт! — восхищался я.

— Только песни у нас другие, — хмыкнул он в сивые усы. — Подай-ка мне книгу Айши-ханум о национальной одежде.

— Смотри, — говорил он, — это головной убор елбанских молодух, так называемый «кимешек». Видишь, как он празднично сделан и расшит по овалу лица вышивкой.

Я слушал отца и поражен. Человек почти всю жизнь свою отдал армии, воевал, служил в России, преподавал военную науку в академии, потом писал большие и сложные книги о страшной войне, о своем опыте. Откуда же он так хорошо знает даже особенности женской нацио-

нальной одежды по областям, по родам и племенам. Пока я удивлялся, он уже начал рассказывать об одежде мужской, об узорах, похожих на музыку.

— Папа, — сказал я, пораженный неожиданной мыслью. — Уже есть доказательства тому, что на территории Казахстана три тысячи лет тому назад существовала письменность. Тому свидетелем — «золотой воин».

— Ты специально собираешь эти факты? — спросил отец. — Мне кажется, что ты об этом хочешь писать.

— Да. Очень хочу пофантазировать, — признался я.

— Лучше бы ты писал о том, что хорошо знаешь. Дело твое, конечно, я тебе запретить не могу, — вздохнул отец.

— А почему тебя это так встревожило? — удивился я.

— Потому что надо знать, о чем пишешь, — просто сказал он. — Ты не историк, не музыковед. Просто тебя тронуло какое-то предчувствие, а ты уже хочешь о нем рассказать людям. Надо же к своему делу строго относиться, сынок. Далеко не буду за примером ходить. О себе скажу. Написал я книгу «Наша семья», а продолжить ее не могу.

— А о чем ты мог написать? — спросил я. — Потом у тебя не было семьи.

— Ах! — как обожженный, вскричал отец. — А ведь ты прав! Как я об этом не подумал сам. Но ничего, я занят другим. Я пишу большую итоговую вещь под названием «Последние дни войны. Последние дни солдата». Заранее не скажу, что из моих замыслов воплотится в жизнь.

— Это книга о войне? — догадливо спросил я.

— Нет, это книга о мире. Я хочу в ней сказать, что главным барьером к счастью человечества является призрак войны. Я хочу сказать о том, что надо научить

людей без страха и оглядки, смело глядеть в глаза своей совести. О многом я хочу сказать, сынок, но прежде всего о мире на земле и о мире во мне, в солдате.

— Но ведь ты будешь вынужден писать о войне, — сказал я.

— А разве мой горький опыт — это не призыв к миру? Я же не для себя все это пишу, а для вас, для детей своих. Хотя ты у меня и единственный, но не один. Вот так! Я сейчас крайне занят этой работой и не могу отвлекаться на другие дела. А от меня требуют, чтобы я написал о боях в Прибалтике, когда командовал там 9-й гвардейской дивизией. Вот и снова от майора Шарыпова письмо получил. Он тоже спрашивает, думаю ли я писать про тот период своей военной биографии.

— Что же ты ему ответил? — спросил я.

— Ты не хитри, — строго сказал отец. — Ты сам переписываешься с Александром Олимпиевичем и, конечно, знаешь, что я ему ответил.

— Да, ты ему написал, что поскольку и он очевидец и участник тех боев, то вполне и сам может об этом написать, а ты сейчас занят другим делом.

— Вот именно, — мотнул головой отец, — закончу эту работу, тогда посмотрим. А он имеет полное моральное право писать о тех событиях, потому что был храбрым боевым офицером. Напиши ему в Сибирь об этом нашем разговоре.

— Хорошо, папа, — послушно сказал я, — обязательно напишу... У тебя сохранились стихи Мухагали Макатова о тебе?

— Да, я недавно их перечитывал, — грустно сказал отец. — Я очень ценил этого парня, как человека и поэта. Вы с ним, кажется, любили друг друга? Во всяком случае, ты всегда о нем отзывался с большой теплотой.

— Да, я любил его. Всякий раз, как передают по радио песню «Сары-Жайлау», мне хочет-

ся плакать. Знаешь, папа, я встретил его как-то очень расстроенным и обиженным. Он пожаловался, что ты, узнав про это стихотворение, сказал ему, что оно очень слабое.

— Разве? Ах, да! Я бы похвалил его, если бы стихи были не обо мне, а тут созорничал. Зря он обиделся. Я его считаю большим поэтом.

— Я ему так и сказал, — улыбнулся я. — Он утешился и пообещал к твоему семидесятилетию написать поэму. Жаль, не успел.

— Да, это печально, мальчик, — опустил голову отец. — Давай лучше о новой книге поговорим.

— О твоей? — хмуро улыбнулся отец.

— Да, батя... извини, папа, — фыркнул я. — О тебе все, как о солдате, не каком-то пишут, к которому и подступиться страшно. А ведь ты не такой. Ты добрый, я знаю. Просто ты гневаешься, когда видишь чужую глупость, пустоту и подлость. Ты очень добрый и сильный человек.

Ты — мой отец. И я хочу написать о тебе как об отце, подарившем мне много прекрасных встреч с такими замечательными людьми, как Евгений Викторович Вучетич, как Вера Павловна Строева, как Григорий Львович Рошаль, как Малик Габдуллин, как Дмитрий Снегин, как все твои друзья-панфиловцы, как все твои товарищи-писатели. Ты научил меня любить человеческую доброту, видеть красоту в простом. Ты повез меня маленьким к великому старцу Джамбулу, и акын благословил меня...

— погоди, сынок! — смешался отец. — Не надо под меня подушку подкладывать. Я рад, что ты запомнил этих людей, эти встречи и понял, что много наследства ты и не вправе от меня ждать. Я рад, что ты поумнел. Мы оба рассмеялись.

**БАХЫТЖАН
МОМЫШ-УЛЫ.**

НА СНИМКЕ: Баурджан Момыш-улы.

Фото
Р. Дюсенгалиева.